

О.В. РВАЧЕВА
(Волгоград)

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАСТРОЕНИЯ ДОНСКОГО
КАЗАЧЕСТВА
НА ОККУПИРОВАННЫХ
ТЕРРИТОРИЯХ СТАЛИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***

В период Великой Отечественной войны ряд казачьих районов Юга России, включая районы проживания донского казачества, оказались оккупированными германской армией. Немецкие оккупационные власти рассчитывали встретить среди части казачества поддержку и проводили особую идеолого-агитационную кампанию. В тяжелых условиях оккупации гражданское население казачьих станиц и хуторов ориентировано было прежде всего на стратегию выживания. Отсутствие свидетельств массовых добровольных переходов казаков на сторону оккупантов говорит о просоветской настроенности казачьего населения.

Ключевые слова: *донское казачество, оккупация, политика оккупационных властей, настроения и поведение казаков, коллаборационизм, патриотизм.*

Изучение условий жизнедеятельности и состояния социальной группы при нахождении на оккупированной территории представляет собой специфическую область исторических исследований. Изучение поведения и настроения советских людей на оккупированных территориях проходило различные этапы – от идеологизированных и насыщенных пропагандистскими штампами работ, в которых говорилось либо о подвиге, либо о предательстве, до исследований, ставивших задачу прежде всего выявить мотивы поведения людей, определить условия, в результате которых складывалась и развивалась та или иная форма взаимоотношения с оккупантами. Были темы, к которым историки обращались регулярно и никогда не обходили их молчанием: партизанское движение, работа советского подполья в тылу врага и другие аспекты героического со-

противления советского народа на оккупированных территориях. Однако были и темы, которые по ряду причин стали попадать в фокус исследовательского внимания только с начала 1990-х гг., после снятия идеологических скреп с исторических исследований и начала процесса рассекречивания документов. В числе таких – сотрудничество с оккупационными властями, служба в добровольческих частях вермахта, оккупационные режимы на территориях СССР и др. По замечанию Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко, историки, как правило, достаточно осторожно упоминали такие неудобные темы, а народное сопротивление оккупантам на захваченных территориях, напротив, всегда считалось одной из актуальных проблем истории Великой Отечественной войны [5, с. 140].

Однако, несмотря на то, что за последние годы была создана весьма обширная историография по самым разным темам истории оккупации СССР в период Великой Отечественной войны, о населении казачьих территорий, оказавшихся в оккупации, написано не так много крупных трудов. Здесь можно выделить такие работы, как исследование С.И. Линца по проблемам оккупации Северного Кавказа, в котором отдельно рассматривалась ситуация коллаборационизма донских, кубанских и терских казаков, а также политика в отношении казачества, проводимая оккупационными властями [7]. Положение населения на территории оккупированной Кубани исследовалось в работах Е.Ф. Кринко [6], хозяйственная деятельность, культура и быт сельского населения оккупированных районов Дона, Кубани и Ставрополья анализировались в работе В.А. Бондарева [2]. Формам казачьего коллаборационизма и поведению казаков на оккупированных территориях посвящена монография П.К. Крикунова [4]. Большую работу по выявлению источников и анализу положения гражданского населения в период Сталинградской битвы в подвергшихся оккупации районах Сталинградской области проделала волгоградская исследовательница Т.А. Павлова [9].

Тема настроения казачьего населения на оккупированных территориях, формах его поведения, политики оккупационных властей в отношении казаков продолжает сохранять свою научную актуальность. В ней есть лакуны, характерные для проблематики оккупации в целом: специфика политики немецкой власти в отношении казаков, преобладающие формы поведения населения на территориях

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-11-34003 «Социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг.»).

длительной и краткосрочной оккупации, выявление социальных, политических и психологических причин сотрудничества казаков с немцами и пр.

В связи с этим мы ставим себе цель в данной статье выявить, определить и проанализировать формы поведения и специфику проявлений настроений населения на казачьих территориях Сталинградской области, находившихся летом 1942–1943 гг. в оккупации. Особо следует оговорить, что автор не рассматривает в статье формы и способы активного сопротивления, такие как партизанские действия в оккупированных районах и подпольная работа, поскольку эта тема требует отдельного исследования.

Одной из серьезных проблем при проведении исследований по данной теме является формирование адекватной источниковой базы. Большая часть источников, широко доступных исследователю, фиксирует либо проявления патриотизма и героизма населением, либо напротив – факты предательства. При этом и то, и другое в источниках часто имеет выраженный идеологический характер. Снятие идеологических запретов и рассекречивание документов позволило более полно и объективно исследовать такую сложную проблему, как поведение населения на оккупированных территориях в СССР в период Великой Отечественной войны.

Специфика выявленной источниковой базы заключается в том, что информация о социально-политическом аспекте поведения населения оккупированных районов Сталинградской области отложилась преимущественно в документах партийных, советских органов и органов ОГПУ и НКВД. Значительная часть материалов по этой теме представлена в Центре документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО).

Положение казачества в период оккупации Сталинградской области отражено главным образом в документах фонда № 113 «Волгоградский обком КП РСФСР» и частично – фонда № 172 «Архив ЦДНИВО».

Все указанные здесь документы – это документы информационного характера. Условно их можно разделить на три группы по характеру представленной в них информации и по тому, кто осуществлял сбор этой информации.

Первая группа – спецсводки и докладные записки УНКВД по Сталинградской области о положении в оккупированных районах, структуре оккупационных властей, об от-

ношении населения к оккупантам, сообщения секретарей РК ВКП(б) об итогах учета ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками, и совершенных ими злодеяниях в районах области, протоколы допросов военнопленных немецкой армии.

В 1993 г. в ЦДНИВО были рассекречены документы «Особой папки» обкома партии за 1942–1943 гг. В числе рассекреченных документов – сводки разведывательных данных о положении в тылу противника (в районе Сталинграда) и докладные записки о положении в освобожденных районах Сталинградской области. Эти документы охватывают период октябрь 1942 г. – август 1943 г. В докладных записках подробно описаны структура и деятельность оккупационных властей, настроения населения оккупированных районов, приведены высказывания отдельных граждан. Данный вид информации направлялся в отдел Сталинградского обкома – Особый сектор.

Вторая группа документов – это информация райкомов партии, собираемая по запросу Сталинградского обкома ВКП(б). Райкомы партии направляли информацию в обком практически сразу же после освобождения районов по следующим темам: ущерб (материальный), нанесенный захватчиками району, политика оккупационных властей, поведение населения во время оккупации (особо отмечается поведение отдельных коммунистов и комсомольцев), факты зверств оккупантов, мероприятия райкома после освобождения района по восстановлению партийного руководства и советской власти, партийная статистика (численность членов партии, кандидатов в члены ВКП(б), комсомольцев, вопросы, рассмотренные на заседаниях бюро райкома).

Третья группа документов, содержащих сведения о положении казачества в военный период, – это информация самого обкома партии, полученная путем целенаправленных исследований, проводившихся работниками обкома партии, выезжавшими в районы в составе пропагандистских групп. Информация, собранная этими группами, аккумулировалась в отделе агитации и пропаганды Сталинградского обкома.

Отдельной группой являются документы Архива Управления ФСБ по Волгоградской области. В фондах архива отложились документы, позволяющие составить представление о деятельности оккупационных властей среди мирного населения, пропаганде и агитации в пользу перехода на сторону немецкой армии, развитии коллаборационистских

и других негативных настроений среди казачества Сталинградской области. Обобщенная информация о поведении населения, количестве человек, ушедших с немцами, содержится в Политико-экономических обзорах Сталинградской области 1945 г. О поведении молодежи и других групп населения в оккупированных районах Сталинградской области есть сведения в спецсообщении, секретной справке и отчете управления НКГБ. Датированы документы 1943 г. Таким образом сведения, содержащиеся в них, собирались в результате проверок населения и проведения операций по выявлению немецкой агентуры уже после освобождения Сталинградской области от оккупации.

Особенностью документов является то, что содержащаяся в них информация несет на себе отпечаток той структуры, в рамках которой создавался тот или иной документ. Так, информация в спецсводках УНКВД носит в основном негативный характер: это факты предательства, сотрудничества с оккупантами. Информация же, представляемая местными партийными органами, в большей степени имеет позитивный характер: это в основном факты героического сопротивления местного населения немецким оккупантам, помощь партизанам и пр. Как и любой другой вид источников, партийные документы и документы ОГПУ имеют ограниченные информационные возможности, что обусловлено их характером и целями организаций, в которых они создавались. Однако их комплексный анализ позволяет более полно изучить социальные аспекты военной истории нашей страны.

К концу 1941 г., когда окончательно стало ясно, что план блицкрига провалился и немецкая армия несет значительные потери, начала на практике реализовываться идея создания вооруженных частей из жителей России различных национальностей. Казаки при этом рассматривались не только как прирожденные воины, но и как наиболее убежденные борцы с большевизмом. Проведению политики привлечения казаков на сторону Германии в казачьих районах способствовало то, что казаки в Гражданской войне в массе своей воевали на стороне антибольшевистских сил и значительное количество мужского казачьего населения оказалось затем в эмиграции. Советская власть в 1920–1930-е гг. не раз проводила политику репрессий против казаков. В апреле 1942 г. Гитлер разрешил использовать казаков для борьбы с партизанами и в боевых действиях на фронте как «равноправных союзников».

На оккупированных казачьих территориях реализовывалась практика создания коллаборационистских казачьих частей [6, с. 357].

В сентябре в Новочеркасске с разрешения оккупационных властей состоялся казачий сход, на котором был избран штаб Войска Донского и его походный атаман – уроженец станицы Екатерининской полковник С.В. Павлов. В районах Ростовской области при переписи населения казаков выделили в отдельную категорию населения [Там же, с. 358].

В июле-августе 1942 г. 14 районов Сталинградской области полностью или частично были оккупированы немецкой армией. По преимуществу это были казачьи районы, и политика немецкого военного руководства в этих районах заключалась не только в том, чтобы по максимуму использовать человеческие и экономические ресурсы, но и в том, чтобы привлечь казачье население на свою сторону как возможных потенциальных союзников в войне. С этого времени на протяжении нескольких месяцев гражданское население оккупированных районов оставалось в особых условиях, которые определяли его настроение и поведение.

Люди в оккупации попадают в особую ситуацию: «Мужчина или женщина, старик или ребенок – что у них общего? Не покидая родного дома, они все оказались в чужом мире. В этом мире другой язык и законы. В нем не живут, а выживают» [3, с. 6]. Таким образом, для мирного населения в оккупированной зоне приоритетными становятся такие формы поведения, которые позволяют сохранить жизнь.

Новая социальная реальность оккупации меняла цели жизнедеятельности, формировались новые механизмы поступков людей. На настроение населения оказывалось целенаправленное воздействие со стороны как немецкой пропаганды, так и общей ситуации неопределенности и повышенной угрозы жизни. Сам факт того, что территория проживания и социальное пространство жизни попадали под контроль не просто другой, а враждебной военно-политической силы, порождало различные негативные настроения либо способствовало формированию настроений социальной мести и сведения счетов.

Исследователи выделяют несколько форм сопротивления оккупантам и несколько форм сотрудничества с ними. Все они весьма разнообразны. Так, большинство исследователей выделяют три основные формы борьбы в тылу врага: партизанское движение как наиболее активную форму сопротивления в виде массо-

вой вооруженной борьбы с захватчиками, подпольную деятельность конспиративных организаций и саботаж невооруженного населения мероприятий оккупационной власти [7, с. 141]. Типологии форм коллаборационизма различны: в зависимости от сферы деятельности выделяют военное, политическое, гражданское сотрудничество, административно-хозяйственное сотрудничество др. [7, с. 167; 10, с. 11]. Анализ положения населения на оккупированной территории Сталинградской области позволяет, на наш взгляд, выделить три основные формы социально-политического настроения и поведения населения.

Первая форма – вынужденное сотрудничество. Обуславливалась выжидательным настроением и стремлением к нейтральным контактам преимущественно хозяйственной направленности, определявшимся принуждением либо жизненной необходимостью. После освобождения районов области от немцев с мест сообщали ситуацию, которая была в районе в период оккупации. В частности, партийные структуры на местах констатировали тот факт, что местные жители все без исключения использовались или на сельхозработах, на строительстве железной дороги или на обслуживании армии (госпиталь, стирка белья, обслуживание офицерских квартир и т.д.). Отмечалось, что тем, кто работал в поле, начисляли трудодни и даже производилась оплата работ (Перелазовский район) [12. Д. 71а. Л. 4 об–5].

В Тормосиновском районе более 100 человек из молодежи были привлечены к работе в административно-управленческих органах оккупационных властей. Аналогичная практика привлечения молодежи для работы в системе органов оккупационного управления наблюдалась в Котельниковском районе [13. Д. 306. Л. 8]. По данным Управления НКВД Сталинградской области, около 50 % оставшихся у оккупантов комсомольцев работало в административно-управленческих органах и преимущественно в немецких комендатурах, районных и хуторских старостатах [Там же. Л. 84].

В материалах НКВД есть сведения, что за период с 23 ноября по 16 декабря 1942 г. в освобожденных от оккупантов районах (перечислены 6 районов) было арестовано 450 чел.: старост, начальников полиции, полицейских, переводчиков при немецких комендатурах, лиц, подозреваемых в шпионаже и др. [Там же. Л. 31].

Вместе с тем в хуторах и станицах Сталинградской области, оказавшихся в оккупации, при осуществлении сельскохозяйственных работ и выполнении различных рабочих повин-

ностей нередко были случаи саботажа и невыхода на работу: «Были массовые порки за невыход на работу. В станице Курмоярской подвергли около 50 человек порке, в хуторе Чепурьевском около 30 человек, в станице Потемкинской около 20 человек. Порки были за отказ на работы на рубежах, на дорогах и т.д.» [11. Л. 28, 28об.]. В случаях роспуска немцами колхозов казаки-колхозники старались не разбирать колхозный инвентарь, несмотря на приказы немецкой комендатуры. Секретарь Нижне-Чирского РК ВКП(б) сообщал в обком: «При освобождении района мы видим, что плуги и сеялки все находились на своих местах, в бригадах, звеньях, в колхозном сборе <...> Таким образом, колхозное крестьянство Дона и нашего района в частности не пошло на те мероприятия немцев, чтобы разделить между собой землю, инвентарь государственный и колхозный и заниматься личным хозяйством» [Там же. Л. 40об., 41]. Были случаи, когда казаки-колхозники, несмотря на запреты уборки колхозного хлеба, организовываясь самостоятельно в звенья и бригады, производили уборку урожая, а осенью посев озимых, сохраняли до прихода Красной армии значительное количество хлеба, не отдавая его немцам [Там же]. Были даже отдельные случаи активного протеста казаков и отказа от работы. Например, в Перелазовском районе одна из девушек-комсомолок, работавшая на комбайне, испортила мотор комбайна и зарыла ремень, а на допросе в комендатуре заявила: «Я комсомолка и не желаю работать на врагов моей Родины». За что ее избили и заперли в холодном сарае [13. Д. 306. Л. 87].

Можно выделить также формы взаимодействия с немцами частно-бытового или личного характера. В ситуации ежедневного общения с немцами одной из основных проблем бытового характера становились регулярные реквизиции ими продовольствия у местного населения. Из стенограммы сообщения Серафимовичского РК ВКП(б) о нанесенном немцами ущербами ущербу хозяйству района: «Не успели немцы войти на территорию Серафимовичского района, они стали на своем пути все сметать – скот, птицу, хлеб, молоко, яйца и т.д.» [11. Л. 44]. Изъятие скота и продовольствия приводило к жалобам местного населения оккупационной власти. В начале оккупации немцы нередко платили казакам за реквизированный скот: «За взятый скот и птицу немцы большую часть производили оплату как марками, так и советскими деньгами. Выдачу денег производили сами или через ста-

рост... Колхозникам ст. Клетской <...>, эвакуированным в Перелазовский район, за 3 коровы было уплачено 20 марок» [12. Л. 4 об–5].

Чаще всего такие случаи носили характер заигрывания с казаками и пропаганды. Так, в ряде хуторов Перелазовского района имели место случаи, когда немецко-румынские комендатуры, получив жалобы от местных жителей об ограблении их имущества солдатами, собирали у комендатур местное население для разбора заявлений. Комендант спрашивал у пострадавших, казаки они или русские, и, услышав в ответ «казаки», демонстративно вручал пострадавшим денежное вознаграждение за имущество [1. Д. 89. Л. 40; 13. Д. 306. Л. 83].

Для молодежи оккупированных районов организовывались вечера танцев, на которых велась пропаганда, дарились подарки, прежде всего продукты (консервы). Отмечалось, что женская молодежь гуляла и сожительствовала с солдатами и офицерами как немецкими, так и румынскими, а также имели место факты замужества, официально оформленные. Некоторые из них затем при отступлении ушли вместе с германской армией.

Сожителство и браки с солдатами и офицерами германской армии было не такое уж редкое явление на оккупированных территориях СССР в период войны. Причин тому было множество: многомесячное проживание рядом с оккупантами, дефицит русских мужчин, человеческие симпатии. Кроме того, в немецком любовнике видели защиту от приставаний других солдат [3, с. 584–585].

Немецкие солдаты во многих случаях действовали и с позиции силы: угрозы, запугивание, шантаж. Действовал и фактор материального благополучия, когда в условиях угрозы голода женщины соглашались сожительствовать за продукты. В своем исследовании о положении гражданского населения в Сталинградской области в период оккупации Т.А. Павлова приводит факты, когда в условиях голода женщины отдавали себя на ночь немецким солдатам за кружку соли, за отказ от сожителства сажались в хлев и т.п. [9, с. 378, 381].

На оккупированных территориях резко выросло открытое проявление религиозных настроений местного населения, в том числе и в результате открытия оккупационными властями церквей и молельных домов в ряде станиц. Так, несколько молельных домов было открыто в Чернышковском районе (х. Тормосин, х. Степано-Разинский), в них служили

священники, эвакуированные из Сталинграда [13. Д. 306. Л. 58].

Коллаборационистские формы имели различный характер. От добровольного перехода на сторону немцев и активной работы в качестве старост и полицаяв до взаимодействия, которое, хотя и выражалось в сборе сведений для оккупационной власти или распространении пропагандистской информации, но по большей части возникало под давлением и вследствие угроз и шантажа со стороны немецкой власти. По мнению Т.А. Павловой, бытовой коллаборационизм населения носил вынужденный характер. Гражданское население работало на немцев, обустроивало быт солдат и офицеров под страхом наказания и чтобы выжить, по этой же причине женщины соглашались сожительствовать с немцами [9, с. 382]. В документах ОГПУ отмечалось «бесчинство, произвол, безнаказанный грабёж, насилия и жестокие расправы над “непокорными” заставляли жителей молчаливо покоряться перед немецкими поработителями» [1. Д. 74. Л. 113]. Сыграло свою роль и быстрое удаление фронта, что создавало у населения веру в немецкую пропаганду о разгроме Красной армии [9, с. 384].

Вербовка населения, особенно молодежи, происходила следующим образом. В ходе регистрации выявлялись комсомольцы, которые затем вызывались в местную комендатуру, где с каждым комсомольцем проводил беседа офицер гестапо. После выяснения биографических данных и причин, побудивших юношу или девушку вступить в комсомол, «давал понять опрашиваемому, что принадлежность к комсомолу его компрометирует перед германскими властями» [13. Д. 306. Л. 79]. Комсомолец подвергался моральной обработке вплоть до получения его согласия на сотрудничество, затем завербованному давалось общее задание «быть преданным германским властям и заявлять о всех лицах, идущих против “нового порядка”» [Там же].

Так, в хуторе Тормосино в гестапо было вызвано 33 комсомольца, 27 из них были завербованы и получили задания выявлять скрывавшееся партийно-советское руководство района и сигнализировать о случаях высадки советских десантов. В Чернышковском районе 50 комсомольцев, оставшихся в районе, прошли регистрацию и вызывались в гестапо. Им давались задания «выявлять антигермански настроенных лиц». Тот же процесс вербовки был зафиксирован в Нижне-Чирском районе. Здесь надо отметить, что немцы не действо-

вали наобум, а нередко проводили подготовительную работу в виде конспиративных вызовов и предварительных личных знакомств с комсомольцами на специальных вечеринках или просмотрах кинолент.

В ситуации оккупации наиболее действенным являлся фактор страха. До комсомольцев доводилась информация, что все они выявлены и поставлены на учет: «В хуторе Чипурьи районный староста и комендант собрали добровольцев (комсомольцев. – *О.Р.*) и предупредили их, что они на учете и малейшее неповиновение или подозрительное поведение будут караться расстрелом» [14. Л. 1, 3, 5]. В результате молодежь на местах старалась избавиться от комсомольских билетов. Например, в Перелазовском районе из 122 оставшихся в оккупации комсомольцев 105 уничтожили свои комсомольские билеты [13. Д. 306. Л. 86]. После освобождения районов Сталинградской области от немцев такая форма поведения молодежи органами ОГПУ характеризовалась как неустойчивость и трусость и служила основанием для особого контроля со стороны власти и органов ОГПУ.

Приход молодежи в жандармские отряды был обусловлен чаще всего материальными благами, которые в условиях недостатка продуктов и угрозы голода служили серьезным мотивирующим фактором. Так, в райцентре Котельниково производился набор молодежи на курсы жандармов. Курсанты получали зарплату в 250 руб. в месяц, обмундирование немецкой армии, паек [Там же. Л. 82]. В специальном воззвании оккупационной власти к молодежи, призывавшем вступать добровольно в ряды немецкой армии, выпущенном в сентябре 1942 г. в Котельниково, говорилось, что все добровольно вступившие в ряды немецкой армии будут иметь различные привилегии. В частности, члены семьи такого казака будут освобождены от трудовых работ, поставок сельскохозяйственных продуктов для немецкой армии и будут снабжаться продуктами по особым карточкам [1. Д. 103. Л. 4об.].

Часть из завербованных комсомольцев на деле сообщала немцам сведения о партизанах, партийных работниках и участвовала в их поиске и поимке. Например, в спецсообщении начальника ОНКВД секретарю Сталинградского обкома ВКП(б) «О поведении молодежи в оккупированных районах Сталинградской области» 1943 г. перечислялись факты такой деятельности завербованной молодежи: «Комсомолец <...> работал полицейским, участвовал в облавах и расстрелах партизан <...>

Секретарь первичной комсомольской организации, являлась агентом гестапо, выдала всех известных ей комсомольцев <...>, комсомолец <...> предал командира и комиссара диверсионной группы, переброшенных на парашютах в тыл к немцам» и т.п. [1. Д. 103. Л. 6].

Здесь надо отметить и высокий уровень работы немецкой пропаганды, благодаря которой население дезинформировалось относительно положения на фронте, распространялись настроения упадка, апатии, формировалась установка на налаживание взаимодействия с немецкой властью как единственно существующей. Так, в станице Нижне-Чирской через месяц после ее оккупации начало функционировать бюро пропаганды. В станице был открыт кинотеатр, начался выпуск фашистского пропагандистского листка «Новое время», среди населения распространялись фашистские журналы и брошюры. Ежедневно в кинотеатре демонстрировали кинохронику «о победах германской армии», распространялась пропагандистская литература, в которой рассказывалось об ужасах застенков ОГПУ и пр. [13. Д. 306. Л. 82]. Пропагандистский листок выпускался в Котельниково – «Котельниковские новости».

Были и другие формы пропаганды (например, показ фильма о взятии Сталинграда или продажа билетов в Камышин и Саратов, распространение слухов о том, что русской армии как таковой больше нет, а «идут монголы и всех вырезают» [Там же. Д. 1. Л. 9–9об]). Особой формой являлась пропаганда «особого казачьего духа» и подчеркивание отличий казаков от русских. Это проявлялось как в общей агитационно-пропагандистской работе, так и в частных беседах представителей немецких властей с местными жителями. Так, в Перелазовском районе в беседе немецкого офицера с молодой девушкой-комсомолкой, когда выяснилось, что она казачка, немецкий офицер стал ее убеждать в том, что казаки воинственный народ, они могут быть союзниками немцев и т.д. [12. Л. 4об–5]. На беседах в гестапо немецкие офицеры регулярно вели разговоры о том, что казачья молодежь отличается от русской молодежи своим воинственным духом, который сродни арийскому, и казаки должны стать союзниками немецкой армии в борьбе с большевизмом [13. Д. 49. Л. 43].

Особой формой работы оккупационных властей с казаками являлись агитация и вербовка мужского казачьего населения в военные части немецкой армии. Помощь в этом оказывали коллаборационистские организации,

такие как уже упоминаемый штаб Войска Донского, созданный в Новочеркасске. При содействии старост и полицейских представители штаба ездили по хуторам Чернышковского района и агитировали казаков вступать в германскую армию. Казаки на такие предложения реагировали сдержанно. Как отмечалось в докладной записке ОГПУ, когда на одном из хуторов собрали казаков для проведения агитации, то из присутствовавших на собрании в добровольческий отряд никто не записался. Староста и полицейские вынуждены были позже вновь собрать казаков. Из 24 человек, пришедших на повторное собрание хутора, добровольцами записались 12 человек [1. Д. 89. Л. 37об.]. Всего по Чернышковскому району было завербовано 49 человек, однако отряд оружия не получал и никакой службы не нес, 18 человек этого отряда впоследствии были арестованы, а 21 человек бежал в тыл к немцам [Там же. Л. 38].

По донесению агента ОГПУ, в хуторе Добринский местные власти по заданию немецкого коменданта учли всех казаков хутора, которые затем были приглашены к коменданту на обед. В ходе обеда комендант обратился к казакам с речью: «Казаки, вам разрешается носить вашу казачью форму и холодное оружие. Выдавайте советских агитаторов, комсомольцев, членов партии, за что вам будет выдаваться даже огнестрельное оружие». Часть казаков после этого приняла участие в организуемых немцами облавах [Там же. Л. 40].

Однако и для этой лояльной в отношении немцев формы поведения казаков характерна прежде всего была вынужденность. «Сначала <...> применял тактику уговора, обещая добровольцам обеспечить их семьи всем необходимым, говоря: “Всех, кто вступит добровольно в казачьи части, я обеспечу продуктами, одеждой и жильем...” <...> После того как из жителей Журавки никто в добровольцы не записался <...> стал применять угрозы и запугивания <...> обязал мужчин, проживающих в Журавке, явиться к нему в дом <...> когда никто из присутствующих не изъявил желания записаться, стал угрожать <...> осуществляя свою угрозу отправил в лагерь 14 человек военнопленных. В результате записалось 8 человек» [Там же. Л. 40об].

Агент ОГПУ описывал даже такой случай, когда к казакам в Суровикино прибыл немецкий офицер, оказавшийся ниже-чирским казаком, много лет проживавшим в эмиграции и мобилизованным в германскую армию в период войны. Он встретился с казаками и на во-

прос казаков, что сулит возрождение казачества в условиях немецкой оккупации, ответил: «Ничего хорошего не будет, немецкая программа – это не та, что была программа войскового круга». В осторожной форме порекомендовал собравшимся держаться сплоченнее и никого не выдавать немцам из советских активистов: «Не надо разводить вражды между собой. Для немцев ничего не стоит расстрелять 10–15 человек русских, а предательство, кроме как вечной вражды, ничего не даст». На высказывание присутствовавшие казаки реагировали положительно [1. Д. 89. Л. 41].

По характеристике ОГПУ, несмотря на широкую организационную и пропагандистскую деятельность, особенного успеха обработка казачества не имела. Даже в миллеровских лагерях военнопленных в Ростовской области, несмотря на жестокий режим, голод, из 3 000 военнопленных в «казачью армию» записалось только 100 человек [Там же. Л. 40].

С течением времени, по мере усиления репрессий со стороны оккупантов, ограбления местного населения, появления фактов угон населения в Германию, отношение к немцам принимало все более негативный характер. Даже те, кто поначалу воспринял приход немцев как освобождение от власти большевиков, во многом изменили свое отношение к оккупантам: «Вот они освободители пришли и ограбили нас, а ведь при советской власти были у нас и коровы, да, и что греха таить, жили неплохо»; «Я ждала немцев как бога, а что они делают? Грабят. Как бы от них поскорее освободиться»; «Хоть при советской власти жилось тяжеловато, а все же я жил во много раз лучше. Скорее бы прогнать этих собак, тогда снова заживем» [Там же. Л. 98].

Немало было фактов и проявления среди населения оккупированных районов Сталинградской области патриотических настроений и прямого сопротивления немецко-фашистским захватчикам. В спецсообщении начальника управления НКВД Сталинградской области отдельный раздел посвящен советскому патриотизму молодежи в тылу врага. Приводились такие факты, как мужественное поведение разведчиков партизанских отрядов, попавших в гестапо, отказ комсомольцев выдать тех, кто поддерживал среди них связь с партизанским отрядом, переход местных жителей через линию фронта для передачи ценных сведений для Красной армии, отказ от выхода на полевые работы, коллективные протесты жителей хуторов против действий немецких властей [13. Д. 306. Л. 86–87]. Из отдель-

ных высказываний жителей оккупированных районов и их действий складывается картина общих настроений населения осенью 1942 г.: «Мы измучены, истерзаны, голодны, холодны, мы немцами порабощены, но не побеждены. Мы еще полны верою в победу русских, и они победят»; «Я потерял здоровье в борьбе за родину, но как бы тяжело мне ни было, я никогда не склонюсь перед немцем» [9, с. 386].

Работница Тормосиновского маслозавода испортила растительное масло, предназначенное для отправки на фронт немецким солдатам; бригадир одного из колхозов, назначенный немцами старостой, организовал односельчан для починки советского самолета, который совершил вынужденную посадку и помог ему вернуться в расположение советских войск. Население помогало выходящим из окружения красноармейцам, пыталось помочь едой военнопленным, укрывало раненых красноармейцев. Жители старались нередко помочь наступавшей Красной армии чем могли. Например, описывается случай, когда группа подростков показала советским воинам безопасный обход вражеского пулемета, в результате чего огневая точка врага была уничтожена и т.п. [Там же, с. 393, 394, 395 и др.].

Итак, если рассматривать социальное настроение как важнейшую характеристику сознания, формирующуюся под воздействием различных факторов и проявляющуюся в понятиях и эмоциях, ощущениях и представлениях, а также регулирующую поступки человека, то применительно к формам настроений и поведения населения на оккупированных территориях Сталинградской области в 1942 – начале 1943 г. можно сказать следующее. На настроение и поведение казачьего и неказачьего населения в оккупированных районах области влиял ряд крайне негативных и тяжелых факторов – это, прежде всего, угроза жизни, проявление агрессии со стороны оккупантов, кардинальное изменение всех условий жизни населения и фактическое отсутствие любой формы защиты, состояние неопределенности в условиях отсутствия адекватной информации о состоянии дел на фронте. Это способствовало складыванию у большинства населения подавленного настроения, растерянности и страха, как следствие, основной формой поведения являлась реализация сценария выживания, порой любой ценой.

С учетом предвоенной ситуации, в которой находилось донское казачество, с учетом немецкой агитационно-пропагандистской кам-

пании о казаках как о союзниках Германии, а также заигрывания с казачеством, выразившегося в том числе в противопоставлении их русским и показном приоритете, который отдавался донским казакам в различных бытовых и хозяйственных ситуациях, складывавшихся на оккупированной территории, у части казачества проявились настроения в пользу перехода на сторону немцев. В ряде случаев это было открытое предательство и активное сотрудничество с немцами. Однако на территории Сталинградской области случаев коллаборационизма и предательства было немного по сравнению с другими оккупированными территориями, в том числе и по причине непродолжительности оккупации, а также в результате устойчивых просоветских настроений, которые, несмотря на конфликты данной социальной группы с советской властью, стали преобладающими в период Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Архив управления ФСБ по Волгоградской области. Ф. 10.
2. Бондарев В.А. Селяне в годы Великой Отечественной войны: российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005.
3. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Мол. гвардия, 2011.
4. Крикунов П.К. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М.: Яуза, Эксмо, 2005.
5. Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп: Изд-во АГУ, 2000.
6. Кринко Е.Ф. Казачество Юга России в годы Второй мировой войны // Очерки истории и культуры казачества Юга России. Волгоград: Изд-во Волгогр. филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 346–365.
7. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.
8. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.). Ростов н/Д., 2003.
9. Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005.
10. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

11. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 12. Д. 71а.

12. ЦДНИВО Ф. 114. Оп. 1. Д. 111.

* * *

1. Архив управления ФСБ по Волгоградской области. Ф. 10.

2. Bondarev V.A. Seljane v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: Rossijskoe krest'janstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Rostovskoj oblasti, Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev). Rostov n/D.: Izd-vo SKNC VSh, 2005.

3. Kovalev B.N. Povsednevnaja zhizn' naselenija Rossii v period nacistskoj okkupacii. M.: Mol. gvardija, 2011.

4. Krikunov P.K. Kazaki. Mezhdju Gitlerom i Stalinym. M.: Jauza, Jeksmo, 2005.

5. Krinko E.F. Zhizn' za liniej fronta: Kuban' v okkupacii (1942–1943 gg.). Majkop: Izd-vo AGU, 2000.

6. Krinko E.F. Kazachestvo Juga Rossii v gody Vtoroj mirovoj vojny // Oчерки istorii i kul'tury kazachestva Juga Rossii. Volgograd: Izd-vo Volgogr. filiala FGBOU VPO RANHiGS, 2014. S. 346–365.

7. Krinko E.F., Hlynina T.P. Istorija Severnogo Kavkaza v 1920–1940-e gg.: sovremennaja rossijskaja istoriografija. Rostov n/D.: Izd-vo JuNC RAN, 2009.

8. Linec S.I. Severnyj Kavkaz nakanune i v period nemecko-fashistskoj okkupacii: sostojanie i osobennosti razvitija (ijul' 1942 – oktjabr' 1943 g.). Rostov n/D., 2003.

9. Pavlova T.A. Zasekrechennaja tragedija: grazhdanskoe naselenie v Stalingradskoj bitve. Volgograd: Peremena, 2005.

10. Semirjaga M.I. Kollaboracionizm. Priroda, tipologija i projavlenija v gody Vtoroj mirovoj vojny. M., 2000.

11. Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (CDNIVO). Ф. 113. Оп. 12. Д. 71а.

12. CDNIVO Ф. 114. Оп. 1. Д. 111.

***Socio-political mood of Don Cossacks
in the occupied territories
of the Stalingrad region during
the Great Patriotic War***

During the Great Patriotic War, the German army occupied a number of Cossack regions of Southern Russia, including the areas inhabited by the Don Cossacks. The German occupation authorities hoped for the Cossacks' support and conducted special ideological propaganda. In the difficult conditions of the occupation, the civilian population of the Cossack villages and provinces was focused primarily on the strategy of survival. The lack of evidence of mass voluntary transitions of the Cossacks to the side of the occupiers proves the Pro-Soviet mood of the Cossack population.

Key words: *Don Cossacks, occupation, policy of occupation authorities, mood and behavior of the Cossacks, collaboration, patriotism.*

(Статья поступила в редакцию 11.12.2017)

